

СИМВОЛ
РОССИИ

БОРИС
ЗАЙЦЕВ

Дворянское
Гнездо

Суровски бичу вамъ руку, милостивъ
мнѣ выкопачивать, и феласо вамъ беш-
хотманъ, казника съ доброты. — Феласъ
дринчю кнѣ улафисунъ

Милъ Тургенъ.

Терван Любова.
Коллекторъ

М. С. Мурсеневъ.

Коллекторъ въ Петербургъ въ мѣсяцъ январь 1869 г.
Коллекторъ въ Петербургъ въ мѣсяцъ январь 1869 г.

ТУРГЕНЕВ

ТАЛАНТ, АРИСТОКРАТ, КРАСАВЕЦ

Символ России

Борис Зайцев

**Тургенев. Талант,
аристократ, красавец**

«Алисторус»

1948

УДК 929
ББК 83.3std1-8пр1

Зайцев Б. К.

Тургенев. Талант, аристократ, красавец / Б. К. Зайцев —
«Алисторус», 1948 — (Символ России)

ISBN 978-5-00269-412-9

«Талант, аристократ, красавец, богач, умен, образован - я не знаю, в чем природа отказала ему? Наконец, характер неистоимо прямой, прекрасный, выработанный в доброй школе», - писал Ф. М. Достоевский о И. С. Тургеневе. Позже, критикуя тургеневское «западничество», Достоевский все же признавал огромное литературное дарование Тургенева и незаурядность его личности. В своей книге Борис Зайцев, писатель и литературовед, один из последних представителей Серебряного века, показывает весь жизненный путь Тургенева, от рождения до смерти. Автор останавливается на непростых отношениях будущего писателя с матерью, особенностях его образования и воспитания, на любви, которая играла определяющую роль в жизни Тургенева, на особенностях изображения России в тургеневских произведениях. Написанная великолепным литературным языком, книга по праву считается лучшей художественной биографией И. С. Тургенева. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929
ББК 83.3std1-8пр1

ISBN 978-5-00269-412-9

© Зайцев Б. К., 1948
© Алисторус, 1948

Содержание

Вместо предисловия	6
Колыбель	11
Отрок и юноша	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Борис Зайцев
Тургенев. Талант, аристократ, красавец

Серия «Кто мы»

© Зайцев Б.К., правообладатели, 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

Вместо предисловия

От графини Воронцовой, вызвавшей к жизни несколько прекраснейших страниц русской поэзии, Пушкин получил в дар заветный перстень с восточными письменами. Когда Пушкин был убит, Жуковский снял этот перстень с остывшей руки волшебника, и в свой час он достался Тургеневу, и в свой час от лучшего чарователя русской художественной прозы этот перстень достался Полине Виардо, любимой женщине. От женщины к поэту и от поэта к женщине, круг завершился. Восточные письмена талисмана осуществили свою ворожбу не напрасно.

Слово о Тургеневе должно начинаться нежным женским именем и золотым именем Пушкина. Женщина была основным верховным божеством всего его творчества, а если создатель русского стиха Пушкин был первым поэтом, превратившим русские слова в крылья бабочек и крылья птиц и заставившим размерные русские строки сверкать золотом и звенеть серебром, Тургенев был первым поэтом русской прозы, равного которому доньше еще не было, он воспринял все пушкинское золото и сковал серебряные звоны еще более певучие, он был не только учеником Пушкина, но и его родным братом, его равноправным наследником, и путь от Пушкина к утонченной и нежной поэзии наших дней идет не столько через Лермонтова и Некрасова, не столько даже через строго-ночного Тютчева и звездно-заревое Фета, сколько именно через Тургенева, воспитавшего наш язык, нашу многопевную мечтательность, научившего нас понимать, через красивую любовь, что лучшая и самая верная сущность, благовеющая в художественном творчестве, есть Девушка-Женщина.

Волшебное очарование, связавшее колдовским побратимством Пушкина и Тургенева, сказывается не только в том, что они являются двумя самыми лучезарными русскими писателями XIX века, определившими своим широким и глубоким влиянием судьбы русской прозы и русского стиха, но и в том еще, что между судьбой и личностью Пушкина и судьбой и личностью Тургенева существуют поразительные общности и сходства.

Пушкин был наполовину африканец, наполовину славянин, ариец. Тургенев был наполовину монгол, наполовину славянин, ариец. Но какой русский, какой отличительно русский и тот и другой! Из всех наших поэтов Пушкин – самый русский, наиболее постигающий свойства русского языка и судеб России. Из всех наших прозаиков Тургенев – самый русский, великорусский, писатель, лучше других постигший серебряный речной разлив родной нашей речи и лучше всех других понявший основные черты нашего народа и прихотливый ход нашей истории.

Главенствующее свойство африканца – пламенность, будь это солнечная пламенность египтянина, возлюбившего Солнце, как отца и бога, или огненная пламенность мавра, жаждущего любви и завоеваний, или подземно-огненная пламенность негра, все чувства которого горячи, как почва около кратера. Главенствующее свойство монгола – чувственная страстность, степная тоска и фатализм, судьбинность. Верховное свойство арийца – всемирный огляд, всебожие природы, всечеловечность, и в славянском лице арийство есть разметанность судьбы, тоска и песня. Все поименованные черты мы находим в сходных узорах – как в жизни и личности Пушкина, так и в жизни и личности Тургенева.

Но и в творчестве Пушкина, и в творчестве Тургенева берет верх ощущение гармонии, которое правит их страстными разметанными душами, как мудрый дирижер правит многоликим оркестром, не позволяя ни флейте слишком громко рыдать, ни скрипкам затопить всю музыку в созвонных волнах расплавленного алмаза.

Четыре стихии владеют судьбою и Пушкина и Тургенева: Россия, Природа, Женщина, Красота. Я разумею красоту гармонического созерцания, красоту художественного творчества. В жизни Тургенева эти четыре стихии сказались, благодаря завершенности его земного удела,

более четко и определительно, они более явственно приводят художника к четырехкратному одиночеству.

* * *

Пушкин в детстве учится правильной русской речи и сокровищам сказочного мира у няни, но в юности весь прикипает к европейскому миру через посредство французской литературы. Тургенев обучается русской речи и русской грамоте у дворового человека, но в юности весь погружается в европейский мир через немецкую философию, немецкую литературу, итальянское искусство. Юный Пушкин пишет знаменитое стихотворение «Деревня», в котором дышит все очарование деревенской глуши и гремит пламенное проклятие ненавистному рабству. Эти стихи доходят до царских ушей и в смысле влияния имеют определенную историческую ценность, кроме чисто поэтической.

Пушкин пишет несчетный ряд поэтических созданий, в которых выступает его глубокая любовь к России и проникновенное ее понимание. Но еще в цветущую пору своей жизни, тщетно порываясь к западному миру, он с горькими проклятиями будет скорбеть о том, что его угораздило родиться в России и воскликнет: «Поэт, не дорожи любовью народной... Ты царь. Живи один».

Юный Тургенев, весь насыщенный несравненной прелестью русской деревни, русской усадьбы, и весь пронзенный ощущением проклятия барству и жалостию к крестьянской доле, пишет «Записки охотника», тоже дошедшие до царских ушей и прошедшие глубокую историческую борозду. Поздней он развернет блестящую по изобразительности, исчерпывающую картину русской жизни, и каждого нового его произведения будет с нетерпением ждать вся читающая Россия, от него научающаяся познавать самое себя. Но, откинутый русской грубостью и русским кривопониманием, отброшенный туда, на чужбину, на Запад, он всю жизнь будет томиться этой разорванностью, и не однажды, пронзенное острием одиночества, его измученное сердце воскликнет: «Довольно!»

Пушкин с первых стихов своих становится певцом девственной прелести, женского очарования. Такие его стихотворения, как «Ненастный день потух», «Ночь», «На холмах Грузии», останутся в русской поэзии непревзойденными образцами вознесения женщины и любви. В повествовательном отрывке «Рославлев» Пушкин говорит примечательные слова, которые хорошо бы знать всем русским на память: «Нет сомнения, что русские женщины лучше образованы, более читают, более мыслят, нежели мужчины, занятые Бог знает чем». Создавая решающую жизненную встречу мужчины и женщины, Пушкин, конечно, возносит женщину в ущерб мужчине, и его поэтическая Татьяна, конечно, неизмеримо правдивей и красивее, чем довольно пустой Онегин. Но в личной судьбе своей, восхвалитель женского лика, Пушкин обманут любимой женщиной и погибает из-за нее, пронзенный пулей.

Тургенев еще более заворочен женской чарой, чем Пушкин. Он восхваляет девическо-женское очарование в юношеских своих поэмах, «Параша» и «Андрей», он восхваляет его в предсмертных своих произведениях, «Стихотворения в прозе» и «Клара Милич». Для Тургенева ничего в мире нет более убедительного и божески-несомненного, чем зацветающее любовью сердце девушки, чем торжествующая в любви чара женщины. Он создал столько пленительных девических и женских ликов, что, когда в жизни мы полюбим кого-нибудь, мы невольно сближаем свою любимую с той или иной тургеневской героиней. Но в жизни Тургеневу не суждено было узнать полноту счастья с любимой женщиной. Кто его любил, тех он не любил – кому он всю душу отдал, та бросила ему несколько цветков радости и блаженства, но не дала ему счастья, не ответила его душе, и, если не пробила его сердце пулей, все равно, его сердце, по его же слову, в нем заживо умерло.

Пушкин, определяя смену поколений, игру жизни, называет Природу равнодушной. Он чувствовал ее равнодушие четко. Но, будучи по нраву весьма лирическим, он играет в мифы, он вызывает домового, водяного, лешего, бесов, русалок.

Тургенев смотрит на Природу более глубоким взглядом, более философически, и неизменно за красотой созерцания приходит к леденящему ощущению мирового сиротства человека, мирового его одиночества в игре стихий, в беспредельных провалах пространства и времени.

В 1862 году он пишет Ламберт: «Не страшно мне смотреть вперед. Только сознаю я совершение каких-то вечных, неизменных, но глухих и немых законов над собою, и маленький писк моего сознания так же мало тут значит, как если б я вздумал лепетать: „я, я, я...“ на берегу невозвратно текущего океана... Брызги и пена реки времен!»

* * *

От Природы, как слишком большой сущности, как чего-то безмерного, в чем трудно найти уют, художник, естественно, перебрасывается к тому, что звучит самым родным, манит самой желанной радостью, – к своему родному народу. Но тут немедленно нежный, но вместе и твердый дух Тургенева, его прямодушная честность, его объемлющая умственная требовательность, его самостоятельный дух, его творческий почин болезненно сталкиваются со всем русским.

Жутко, будучи русским, быть вынужденным говорить о русских. Если в русской душе много достоинств, нет, кажется, в мире таких недостатков, которых не было бы в русском характере. Русские ленивы, несамостоятельны, самомнительны, неправдивы, грубы. Они пляшут на чужих похоронах, да и на своих собственных. Они перенимают свои празднества у чужих народов. Они любят иноземное иго. Еще ученый серб Крижанич в XVII столетии отметил в старой Московии эту черту и назвал ее чужебесием. Русский легко обращается с честным словом, не выполняет данного обещания слишком часто, слишком легко. Благородный нрав Тургенева был всегда противоположностью перечисленным чертам.

Еще Белинский, лично его знавший в его юности, писал о нем: «Раз в споре Тургенев сказал мне: „Да что ваш русский человек, который не только шапку, а и мозг-то свой носит набекрень!“» И Белинский прибавляет: «Вообще Русь он понимает. Во всех его суждениях виден характер и действительность. Он враг всего неопределенного».

После таких выразительных слов строго неизбежными являются нижеследующие отзывы Тургенева о России и русских, относящиеся к разным датам и взятые мною из разных мест.

В 1857 году Тургенев пишет графине Ламберт из Рима: «Русских здесь немного, по крайней мере, я знаком с немногими. Да и Бог с ними.! Из 50 заграничных русских лучше не знакомиться с 49-ю».

В этом же году он пишет к ней опять: «Я здесь в Риме все это время много и часто думаю о России. Что в ней делается теперь? Двинется ли этот Левиафан (подобно английскому) и войдет ли в волны или застрянет на полпути? Ленив и неповоротлив русский человек и не привык ни самостоятельно мыслить, ни последовательно действовать. Но нужда – великое слово – поднимет и этого медведя из берлоги».

В 1859 году он пишет к ней же: «Если вам не тяжело писать на этом языке (т. е. по-русски), – пишите: Вы увидите, что хотя он не имеет бескостной гибкости французского языка, – для выражения многих и лучших мыслей он удивительно хорош по своей честной простоте и свободной силе. Странное дело. Этих четырех качеств, честности, простоты, свободы и силы, нет в народе, а в языке они есть... Значит, будут и в народе».

Через два года, в знаменательный 1861 год, определивший начало новой русской истории, он пишет к ней же: «История ли сделала нас такими, в самой ли нашей натуре находятся

залог всего того, что мы видим вокруг себя, – только мы действительно продолжаем сидеть, в виду неба и со стремлением к нему, по уши в грязи. Говорят иные астрономы, что кометы становятся планетами, переходя из газообразного состояния в твердое; всеобщая газообразность России меня смущает и заставляет меня думать, что мы еще далеки от планетарного состояния. Нигде ничего крепкого, твердого, нигде никакого зерна; не говорю уже о сословиях, в самом народе этого нет».

Горький напиток – эти слова, но мы должны этот напиток испить. Эти слова Тургенева, от которых нас отделяет половина столетия, и почти столетие, все еще продолжают оставаться мучительной правдой, как горестным пророчеством, а не только минувшей правдой являются желчные и ясновидящие слова Потугина в «Дыме», в этой самой блестящей из всех музыкальных и живописных симфоний Тургенева.

«Привычки рабства слишком глубоко в нас внедрились; не скоро мы от них отделаемся. Нам во всем и всюду нужен барин; барином этим бывает, большей частью, живой субъект, иногда какое-нибудь так называемое направление над нами власть возымеет... Почему, в силу каких резонов мы записываемся в кабалу, это дело темное; такая уж, видно, наша натура. Но главное дело, чтоб был у нас барин. Ну, вот он и есть у нас; это, значит, наш, а на все остальное мы наплевать. Чисто холопы. И гордость холопская, и холопское уничижение.

Новый барин народился, старого долой. То был Яков, а теперь Сидор; в ухо Якова, в ноги Сидору. Вспомните, какие в этом роде происходили у нас проделки. Мы толкуем об отрицании, как об отличительном нашем свойстве; но и отрицаем-то мы не так, как свободный человек, разящий шпагой, а как лакей, лупящий кулаком, да еще, пожалуй, и лупит-то он по господскому приказу. Ну-с, а народ мы тоже мягкий; в руки нас взять не мудрено».

* * *

Говорил ли когда-нибудь кто-нибудь о Тургеневе верно, когда он жил своей одинокой жизнью? Был ли у него какой-нибудь истинный друг, стоявший с ним вровень? Я этого не думаю. Или Белинский его понимал, который учил русскую публику, но которого юный Тургенев научил понимать философию Гегеля, да и не только Гегеля? Или Некрасов, который так жестоко обошелся с ним в жизни, но которого Тургенев простил? Или Достоевский, который, как иступленная пифия, видел лишь свои дымные видения, но не мог видеть лучезарно-спокойных, божески-размерных шествий теней, вызванных к жизни творческой дланью солнечного полубога? Или Толстой, который не мог встретиться с Тургеневым, чтоб не начать его мучить и вызывать на ссору, ибо их души были непримиримо разны? Нет, они не видели всей великой красоты этого благороднейшего художника, этого ваятеля девических и женских ликов, которые живут на страницах Тургенева, как цветы лугов и садов, вызванные Солнцем, но как цветы неотцветающие.

Серебряный великан из волшебной сказки. Так, кажется, звал его Гюи де Мопассан, знавший и любивший Тургенева. В нескольких словах французского художника, как и Тургенев пережившего в личной жизни глубоко запрятанную трагедию, дышит истинная любовь и настоящее понимание.

Я хочу повторить прекрасный образ, вызванный Мопассаном. Тургенев был великан с серебряной головой. Он пришел из сказки и принес нам волшебную сказку, более действительную, чем наша действительность, потому что в красивых страницах он закрепляет те мгновения нашей жизни, когда плоскодонный поток вдруг становится глубинным и в нас возникает жизнь жизни.

Мне хочется добавить, что Тургенев – это вся чистота чувства, расцвеченное мгновение, заветная лесная опушка, душистый сад любви, музыка души, переключки сердец, медвяная полногласность чувства, которое, дрогнув, увидело зарницу и зарю своего возникновения.

Тургенев – безупречный лик художника, воспринявшего Искусство, как одну из граней Вечности, равноправную и равноценную среди трех-четырех основных граней человеческого духа, и такое служенье Искусству стоит наравне с высоким личным подвигом или молитвенным благоговением. И еще. Среди всех великих писателей, не только русских, но всего мира, Тургенев занимает свое особое, свое единственное место, как лучший восхвалитель девического и женского лика, он самый верный друг женщины.

В одном из рассказов Тургенева няня кому-то говорит: «Вся жизнь твоя по огню бежит». Эти слова применимы к самому Тургеневу. На протяжении всего творчества тонко чувствующая, зоркая и нежная душа Тургенева все время бежит по изменчивым, танцующим, пляшущим, поющим, перепархивающим, зацветающим пламеням, по звенящим остриям и радужному мосту первовести чувства. И если глубинно-верна древняя скрижаль Гераклита, гласящая: «А рулевой всего молния», нужно понять, что в человеческом сердце молния всего вернее возникает, когда оно мгновенно полюбит. И художник, который от первоначальных лет до последних своих зорь, не уставал рассказывать встречу сердец, был всегда готов откликнуться звонким сердцем на зов другого сердца, ощутившего свою крылатость, этот художник есть священная кадьница, благовонно курящаяся перед Вечным, он живой факел и тот глубокий колодец, в который глядится Бог.

К. Бальмонт

Колыбель

Орловская губерния не весьма живописна: поля, ровные, то взбегающие изволоками, то пересеченные оврагами; лесочки, ленты берез по большакам, уходящие в опаловую даль, ведущие Бог весть куда. Нехитрые деревушки по косогорам, с прудками, сажалками, где в жару под раkitами укрывается заленившееся стадо – а вокруг вся трава вытоптана. Кое-где пятна густой зелени среди полей – помещичьи усадьбы. Все однообразно, неказисто. Поля к июлю залиты ржами поспевающими, по ржам ветер идет ровно, без конца без начала и они кланяются, расступаются тоже без конца-начала. Васильки, жаворонки... благодать.

Это предчерноземье. Место встречи северно-средней Руси с южною. Москвы со степью. К западу заходя в Калужскую, к северу в Московскую, области Тулы и Орла являются как бы Тосканою русской. Богатство земли, тучность и многообразие самого языка давали людей искусства. Святые появлялись в лесах севера. Тургеневы, Толстые, Достоевские порождены этими щедрыми краями.

Село Спасское-Лутовиново находится в нескольких верстах от Мценска, уездного города Орловской губернии. Огромное барское поместье, в березовой роще, с усадьбой в виде подковы, с церковью насупротив, с домом в сорок комнат, бесконечными службами, оранжереями, винными подвалами, кладовыми, конюшнями, со знаменитым парком и фруктовым садом. В начале прошлого века это как бы столица маленького царства, с правительством, чиновниками, подданными. Даже колонии были: разные подчиненные имения и села, всякие Любовши, Тапки, Холодовы.

Спасское принадлежало Лутовиновым. Последнею из Лутовиновых владела им девица Варвара Петровна, унаследовавшая его от дяди Ивана Ивановича. Ей было уже под тридцать, когда в Спасское заехал молодой офицер Сергей Николаевич Тургенев – для закупки лошадей с ее завода, классический «ремонтер». Варвара Петровна сразу в него влюбилась: отличался он редкостной красотой. Она пригласила его бывать запросто без дела; и оставила у себя его портупею: чтобы крепче выходило. Сергей Николаевич стал появляться в Спасском. В 1816 году она вышла за него замуж. Через год у них родился сын Николай, а затем Иван.

Варвара Петровна не могла похвастаться предками: дед ее был скряга, отец скандалист и буян, обиравший, еще будучи молодым офицером, валдайских ямщиков. Дядя – сумрачный скупец (любил только покупать жемчуг). Знаменитый сын Варвары Петровны не одну горькую страницу своих писаний посвятил Лутовиновым.

Главный дом в усадьбе Спасское-Лутовиново

Молодость ее оказалась не из легких. Мать, рано овдовев, вышла замуж за некоего Сомова. Он мало отличался от Лутовиновых. Был пьяницей. Тянул ерофеича и сладкую мятную водку. Тиранил падчерицу – девочку некрасивую, но с душой пламенной, своеобразной. Мать тоже ее не любила. Одиночество, оскорбления, побои – вот детство Варвары Петровны. Через много лет, уже хозяйкою Спасского, побывала она со своей воспитанницей Житовой в имении, где прошла ее юность. Обошли комнаты дома, и выйдя из залы в коридор, наткнулись на заколоченную досками, крест-накрест, дверь. Житова подошла к двери, дотронулась до старинного медного замка, торчавшего из-под досок. Варвара Петровна схватила ее за руку: «Не трогай, нельзя! Это проклятые комнаты!» Что именно там происходило, она не рассказала. Но известно, что в этом доме, когда ей близилось шестнадцать, отчим покушался на ее юность. В одну страшную ночь измученная девушка, которой грозило «позорное наказание», бежала из дому – ей помогла няня. Полуодетая, пешком, прошла шестьдесят верст до Спасского. Там укрылась у дяди своего, Ивана Ивановича.

Здесь ждала тоже несладкая жизнь – у крутого и скупого старика. Будто бы он лишил ее наследства и от него она тоже бежала, он же умер внезапно, от удара, не успев написать завещание против ее. О смерти Ивана Ивановича известия смутны. И вторичное бегство Варвары Петровны не есть ли уже легенда? Так ли ей на роду написано всегда убегать?

Во всяком случае лучшие ее годы полны глубокой горечи. Она прожила у дяди десять лет, ей шел двадцать седьмой, когда неожиданно из Сандрильоны обратилась она во владелицу тысяч крепостных, тысяч десятин орловских и тульских благодатных земель.

Эти крепостные, эти земли определили и любовную ее жизнь – брак с Тургеневым.

Род Тургеневых иной, чем Лутовиновых. Очень древний, татарского корня, он более благообразен. С пятнадцатого века Тургеневы служили на военной и общественной службе. «Отличались честностью и неустрашимостью», – говорит предание. Были среди них мученики: Петр Тургенев не побоялся сказать Лжедмитрию: «ты не сын царя Иоанна, а Гришка Отрепьев, беглый из монастыря, я тебя знаю» – за что был пытан и казнен, как впоследствии погиб от удалцов Стеньки Разина воевода Тимофей Тургенев, не пожелавший сдать им Царицына. (Заперся в башне с десятком стрельцов. Васька Ус на веревке тащил его к Волге, где и утопил.)

Тургеневы восемнадцатого века не столь воинственны и героичны. Они мирно служат в армии, выходят в средних чинах в отставку, и более или менее лениво доживают дни в деревне. Только у одного из них необычная судьба – связанная с красотой его и любовными делами. Это Алексей Тургенев, в юности паж Анны Иоанновны. Бирон из ревности усладил его на турецкую войну, где он и попал в плен. Оказавшись в гареме, подавал кофе султану и раскуривал ему трубку. Век бы Тургеневу ее раскуривать, если бы красотой его не была тронута султанша. Она дала ему кошелек с золотом и помогла бежать.

Сергей Николаевич Тургенев соединял в себе разные качества предков: был прям и мужествен, очень красив, очень женолюбив. «Великий ловец перед Господом», – говорил о нем сын. Сергей Николаевич совсем мало служил на военной службе: уже двадцати восьми лет вышел в отставку. Но до последнего вздоха был предан Эросу, и завоевания его оказались огромны. Он мог быть с женщинами мягок, нежен, тверд и настойчив, смотря по надобности. Тактика и стратегия любви были ему хорошо известны, некоторые его победы блестящи.

И вот этот молодой человек с тонким и нежным как у девушки лицом, с «лебединою» шеей, синими «русалочьими» глазами, неистощимым запасом любовной стремительности, попался на пути Варвары Петровны.

У него – единственное имение в сто тридцать душ. У нее крепостных не менее пяти тысяч. Женился ли бы он, если б было обратно? Кавалерист с русалочьими глазами, быть может, и соблазнил бы несколько полоумную девушку, но жениться... – для этого необходимо Спасское. И как некогда турецкая султанша высвободила деда из гарема, так женитьба на Варваре Петровне укрепила внука в жизни.

Сергей Николаевич Тургенев, отец писателя

Повенчавшись, Тургеневы жили то в Орле, то в Спасском.

Счастливою с мужем Варвара Петровна не могла быть – любила его безгранично и безответно. Сергей же Николаевич, под знаменитыми своими глазами был вежлив, холоден, вел многочисленные любовные интриги и ревность жены переносил сдержанно. В случаях бурных умел и грозить. Вообще над ним Варвара Петровна власти не имела: воля и сила равнодушия были на его стороне.

Как бы ни прожил Сергей Николаевич жизнь с некрасивою и старше его женою, несомненно, что он знал и любовь истинную. Иногда ее профанировал. Но иногда отдавал ей всего себя и потому понимал страшную ее силу и силу женщины. «Бойся женской любви, бойся этого счастья, этой отравы...» – говорил сыну. Сергей Николаевич обычно побеждал, все-таки роко-

вой характер Эроса знал. И не было в нем колебаний, половинчатости. По пути своему, иногда жестокому, мало жалостливому, почти всегда грешному, шел Тургенев-отец, не сворачивая. Его девиз: взять, взять всю жизнь, ни одного мгновения не упустить – а дальше бездна.

Он очень походил на Дон Жуана.

* * *

Город Орел столь же неказист и ненаряден, как и окружающая его страна. Ока здесь еще мала. Нет живописного нагорного берега, как в Калуге. Нет леса церквей, дальних заречных видов. Разумеется, есть Собор и городской сад. Вблизи Левашовой горы Волховская, прорезающая весь город, да Дворянская, где жила Лиза Капитана. Главное же, что отличает Орел, это летняя жара и пыль – облака белой известковой пыли над улицами.

«1818 года 28 октября, в понедельник, родился сын Иван, ростом 12 вершков, в Орле, в своем доме, в 12 часов утра. Крестили 4-го числа ноября, Феодор Семенович Уваров с сестрою Федосьей Николаевной Тепловой» – так записала в памятной книжке Варвара Петровна. Меньше всего думала, конечно, что родила будущую славу России.

Рождением своим Тургенев связан с Орлом-городом, но только рождением. Довольно скоро перебрались родители в Спасское, и Орел в жизни, как и писании Тургенева, сыграл роль небольшую.

Истинной его «колыбелью» оказалось Спасское, со всем своим пышным и тяжеловесным, медленным, суровым и поэтическим складом. Дом – чуть не дворец. Дворня – лакеи, горничные, казачки на побегушках, повара, конюхи, садовники, швеи, приживалки – все это двигалось мерно и возглавлялось владыкою – Варварой Петровной. Сергей Николаевич на втором плане. Жили праздно и сытно, не без нарядности. Устраивали балы, маскарады. В одной галерее давались спектакли. Ставили пьесы и под открытым небом, в саду. Играл свой оркестр, своя крепостная труппа. Трепещущий батюшка служил по праздникам молебствия. Гувернеры и гувернантки учили детей.

Детство Тургенева могло стать золотым – но не стало. Слишком суровой оказалась мать, слишком отравила жесткостью нежные годы. Она очень любила сына – и очень его мучила. В этом же самом роскошном доме чуть не каждый день секли будущего владельца Спасского, за всякую мелочь, за каждый пустяк. Достаточно полоумной приживалке шепнуть что-нибудь Варваре Петровне, и та собственноручно его наказывает. Он даже не понимает, за что его бьют. На его мольбы мать отвечает: «Сам знаешь, сам знаешь, за что я секу тебя».

На другой день он объявляет, что все-таки не понял, за что его секли – его секут вторично и заявляют, что так и будут сечь ежедневно, пока не сознается в преступлении.

Кажется, Варвара Петровна могла бы вспомнить, как сама некогда бежала из ненавистного сомовского дома. Но вот не вспомнила. А сын чуть не убежал. «Я находился в таком страхе, в таком ужасе, что ночью решил бежать. Я уже встал, потихоньку оделся и в потёмках пробрался по коридору в сени...» Его поймал учитель, добросердечный немец (толстовский Карл Иваныч!), и рыдавший мальчик признался ему, что бежит потому, что не может долее сносить оскорблений и бессмысленных наказаний. Немец обнял его, обласкал и обещал заступиться. Заступился и на самом деле: его временно оставили в покое.

Вне же матери Спасское давало очень много. Тут узнал он природу, русских простых людей, жизнь животных и птиц – не весь же день уроки с учителями и гувернантками. Выдавались счастливые минуты и даже часы, когда удирали в Спасский знаменитый парк. Изящный и далекий, отец плел свои донжуанские кружева то с орловскими дамами, то с крепостными девицами. Мать правила царством: принимала поваров, бурмистров, наблюдала за работами, но и сама читала, сама кормила голубей в полдень, беседовала с приживалками, охала, жалела себя.

А у сына появились, конечно, свои приятели из дворовых. На прудах можно было чудесно пускать кораблики. Из молодых липовых веток вырезать свистульки. Бегать в догонялки. Ловить птиц. Это последнее занятие нравилось ему особенно. Водились у него всякие сетки, пленки, западни. С семилетнего возраста его тянуло именно к птицам. С этих пор он их и изучал так любовно, знал в подробностях жизнь, пение, и когда какая утром начинает раньше щебетать. Мало ли всяких иволг, кукушек, горлинок, малиновок, дроздов, удонов, соловьев, коноплянок жило в спасском приволье? В дуплистых липах гнездились скворцы – на дорожках аллей, среди нежной гусиной травки валялись весною пестрые скорлупки их яичек. Вокруг дома – реющая сеть ласточек. В глухих местах парка сороки. Где-нибудь на дубу тяжелый ворон. Над прудом трясогузки – перелетывают, или попрыгивают по тенистому берегу, качают длинными своими хвостиками. В зной – тишина, белая зеркальность вод, цветенье лип, пчелы, смутный, неумолчный гуд в парке полутемном.

Здесь узнал он и поэзию книжную – кроме природы. Любовь к ней пришла из чтения дворовым человеком в уединенном углу того же парка – Пуниным назвал в рассказе Тургенев первого своего учителя словесности, милого старика, который на глухой полянке за прудом мог и подзывать зябликов, и декламировать Хераскова. Дружба с Пуниным, конечно – полутайна, все это вдали от гувернанток, приживалок, наперекор всему. Но тем прелестней. И неважно, как в действительности звали его. Важно и хорошо, что поэзия предстала перед мальчиком Тургеневым в облике смиренного энтузиаста, в облике «низком» и одновременно возвышенном, полураба, полуучителя. В парке, в зелени и среди света солнца ощутил он впервые «холод восторга».

Пунин, крепостной человек, самоучка и любитель словесности, читал особенным образом: сперва бормотал в полголоса, «начерно», а потом «пифически» гремел, «не то молитвенно, не то повелительно» – это священнодействие и побеждало. Так прочитали они не только Ломоносова, Сумарокова и Кантемира, но и Хераскова. В зеленой глубине спасского парка и была решена участь мальчика. Как ни презрительно относилась Варвара Петровна к писателям (по ее мнению, сочинять «канты» мог «либо пьяница горький, либо круглый дурак») – у ней самой под боком рос уже такой сочинитель. Безвестный, добродушный Пунин тронул в барчуке тайную струну: и уже пропал в нем помещик, начался поэт.

Варвара Петровна Лутовинова, мать писателя

Вернее – в одном существе началась жизнь и другого. Мечтатель, опьяняющийся стихами – вместе с тем и сын Варвары Петровны, барское отродье. Сам страдает от грубости, жестокости окружающего, но и тотчас подымает тон, как только ему кажется, что низшие недостаточно к нему почтительны. «Мне не понравилось, что он назвал меня барчуком. Что за фамильярность! „Вы, должно быть, не знаете, – произнес я уже не развязно, а надменно, – я здешней барыни внук“».

* * *

Варвара Петровна считала себя верующей, но к религии относилась странно. Православие для нее какая-то «мужицкая» вера, – на нее, а уж особенно на ее служителей смотрела она свысока, вроде как на русскую литературу. Молитвы в Спасском произносились по-француз-

ски! Воспитанница читала ежедневно по главе «Imitation de Jesus Christ» ...Сергей же Николаевич вовсе был далек от всего этого. Жил сам по себе, одиноко и без Бога, но при всей смелости своей был, как нередко именно мужественные и неверующие люди, суеверен: боялся не Бога, не смерти и суда, а домовых. То, как отец ходил за священником, освящавшим поздним вечером углы обширного дома, как колебалось пламя свечи и как жутко это было, маленький Тургенев запомнил. (Священник являлся тут для Сергея Николаевича чем-то вроде колдуна, заклинателя – одна таинственная сила противопоставлялась другой.) Но поэзия была православного, существовавшая тогда в некоторых семьях, Тургенева, к сожалению, не коснулась. Доброты, светлого уюта в отчем доме он не встретил – как-то с первых шагов оказался одиноким.

Далекий холод и парадность Сергея Николаевича, причудливая карамазовщина Варвары Петровны (тяжкое детство, некрасота, властолюбие, раз навсегда обиженность) – из этой смеси родился букет Спасского. Некоторые черты его почти фантастичны. Другие мрачно жестоки.

Хотелось, чтобы все было грандиозно, чтобы походило на «двор». Слуги называются министрами. Дворецкий – министр двора, ему дали даже фамилию тогдашнего шефа жандармов – Бенкендорфа. Мальчишка лет четырнадцати, заведовавший почтой, назывался министром почт, компаньонки и женская прислуга – гофмейстерины, камер-фрейлины, и пр. Существовал известный церемониал обращения с барыней: не сразу министр двора мог начинать, например, с ней разговор. Она сама должна была дать знак разрешения.

За почтой посылали ежедневно верхового во Мценск. Но не сразу, не просто можно отдать эти письма. Варвара Петровна всегда отличалась нервностью (падение ножниц привело ее в такое волнение, что приходилось подавать флакон со спиртом). Министр двора разбирал письма и смотрел, нет ли какого с траурной печатью. Смотря по содержанию почты, дворовый флейтист играл мелодию веселую или печальную, подготавливая барыню к готовящимся впечатлениям.

Постороннему, особенно неименитому лицу не так легко было и въехать в Спасское. Еще не знаешь, въехав, куда попадаешь! Но «двор» знал. Прямо подъезжать к дому, с колокольчиками, мог исправник. А станковые отвязывали их за версту, за полторы, чтобы не беспокоить барыню. Уездный лекарь мог подъезжать только ко флигелю.

Все это еще безобидно, хотя и болезненно. Бывало и много хуже. За не так поданную чашку, за нестертую пыль со столика горничных ссылали на скотный двор или в дальние деревни – на тяжелую работу. За сорванный кем-то тюльпан в цветнике секли подряд всех садовников. За недостаточно почтительный поклон барыне можно было угодить в солдаты (по тем временам равнялось каторге).

Тургенев-дитя, Тургенев времен Спасского знал уже многое о жизни. Кроме пения птиц в парке да волнующего звона стихов, слышал и вопли с конюшен, и по себе знал, что такое «наказание». Всякие деревенские друзья-сверстники подробно доносили, кому забрили лоб, кого ссылают, кого как драли. Не в оранжерее рос он. И нельзя сказать, чтобы образ правления Варвары Петровны приближал к ней ребенка, в котором жил уже бродильный грибок. Мать растила не только далекого себе сына, но и довольно устойчивого, неукоснительного врага того жизненного склада, которого страстной носительницей была сама.

Отрок и юноша

В 1827 году Тургеневы переехали в Москву, купив дом на Самотеке. Летом выезжали и в имение: связь с деревней не прерывалась.

В это время Сергей Николаевич заболел каменной болезнью, и для лечения ему и Варваре Петровне пришлось отправиться в Париж, быть в Эмсе и Франкфурте.

Иван остался в Москве, в пансионе Вейденгаммера (а старшего сына Николая отдали в артиллерийское училище в Петербурге). У Вейденгаммера провел Иван года полтора, потом на несколько месяцев попал в армянский пансион (впоследствии Лазаревский институт восточных языков) и, наконец, оказался еще в новом, у Краузе.

Его можно представить себе изящным и благовоспитанным мальчиком, хорошо учившимся, несколько чувствительным и не лишенным высокомерия. Неудивительно, если он тяготеет к аристократическим знакомствам в пансионе, к князьям и графам.

Столь же неудивительно, что с глубоким вниманием слушает пересказ гувернером «Юрия Милославского», восхищается им, помнит наизусть и бросается даже бить товарища, помешавшего слушать. Так же понятно, что Тургенев-пансионер, увидев после игры в лапту, во дворе под кустом сирени скромного юношу с немецкой книгой, мог не без надменности спросить: «А вы читаете по-немецки?» И когда оказалось, что тот не только читает, но и гораздо лучше его самого, и любит поэзию – то с ним-то как раз барчук, дороживший светскими друзьями, и сошелся. Мало того, просто подпал под его влияние.

С пансиона идет начало тургеневских юношеских дружб, отмеченных восторженностью, ненадолго удерживавшихся, но возникавших всегда на почве «высшего»: томлений по красоте, истине, pytania загадок мира и т. п. Это было вообще время романтических привязанностей, раскрытия душ, откровенностей, заходивших иногда очень далеко. Можно и улыбнуться на такую «патетическую болтовню», кончавшуюся иногда тем, что прежние друзья становились смертельными врагами. Но не всегда так бывало. Случалось и надолго сохранить память о чудесном пламени молодости, да и само такое пламя разве уж не имеет никакой цены? Разве плохо – сладостно волноваться, когда «друг» читает вслух стихи? (Теперь уже Шиллера, не Хераскова.) Разве плохо – выйти потихоньку с ним ночью в пансионский сад, когда все уж заснуло, сесть под тем же кустом сирени, где впервые они познакомились, и который полюбили, ощущать дуновение ночного ветерка, сквозь листву видеть милое московское небо в звездах (с Арктуром, зацепившимся за крест соседней церковки), шептаться, мечтать... А когда друг, взглянув на небо, «тихо» восклицает:

Над нами
Небо с вечными звездами
А над звездами их Творец...

– вновь испытать «благоговейный» трепет и «припасть» к плечу?

Однако отрок Тургенев приближался к возрасту, когда другое начинало волновать его. Романтические дружбы пришли и ушли с юностью. Любовь, поклонение женщине наполнили всю его жизнь, сопровождали до могилы.

В ранней молодости любовь предстала Тургеневу сразу в двух видах. Афродиту-Пандемос и Афродиту-Уранию он познал почти одновременно – явились они раздельно, и так раздельными остались навсегда.

«Простонародная» Афродита связана с крепостным бытом и укладом. («Помещичье» вкушение от древа познания.) У Варвары Петровны служила горничная, «красивая, с глупым

видом», и глупость эта придавала ей нечто «величавое». Разумеется, она была старше и опытнее его – ему исполнилось тогда пятнадцать лет. Он приехал в Спасское на каникулы.

Полный сил юноша бродил однажды в сыроватый весенний день в парке. Близились сумерки. Дрозды перепархивали в яблонях. Иволга заливалась. Березы спасской рощи были в зеленом, клейком пуху. Афродита предстала ему со своим «глупо-величавым» видом. Его раба, крепостная. Но и властительница. Она взяла его за волосы на затылке и сказала:

– Пойдем.

А вечером, в непроглядную темень, он крался к ней на свидание, в пустую, заброшенную хату. Перелезал через канавы, падал в крапиву, пробирался по меже с горькою серебряной полынью, под теплым, накрапывавшим дождичком, от которого так зеленеют всходы. Сова кричала в парке. Может быть, и Сергей Николаевич отдавался той же ночью зову любви.

В жизни Тургенева-сына этот опыт не оставил следа. Исчезла деревенская богиня! Даже имени ее не сохранилось.

Первая истинная его влюбленность прославлена им же самим. Испытав полуребенком чувства высокие и блаженно-мучительные, в зрелости создал он из них лучшее свое произведение. Толстой и Достоевский могут завидовать «Первой любви» – явлению Афродиты-Урании в жизни пятнадцатилетнего юноши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.